

An abstract painting with a dense, textured surface. The colors are vibrant and varied, including shades of red, pink, yellow, orange, blue, green, and purple. The brushstrokes are thick and expressive, creating a sense of depth and movement. The overall composition is complex and layered, with a central vertical axis that draws the eye down the page.

Владимир
Колганов

Время теней

Владимир Алексеевич Колганов

Время теней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70353598

SelfPub; 2024

Аннотация

Идея написания этой книги возникла у автора под влиянием сказки Ганса Христиана Андерсена «Тень», однако сюжет совсем иной. С главным героем происходят странные превращения, что невозможно без вмешательства высших сил. Пытаясь разобраться в этом, он случайно узнаёт, что некие представители власти замыслили вооружённый конфликт с другой страной, вроде бы ради достижения благородной цели. Нельзя допустить войны, и, хотя силы не равны, мир удаётся сохранить. Но этого явно недостаточно для того, чтобы прекратить эксперименты над людьми.

Содержание

Глава 1. Превращение	4
Глава 2. Десятые врата	10
Глава 3. Отцы и дети	16
Глава 4. Дама с собачкой	22
Глава 5. Дворянское гнездо	27
Глава 6. Капитанская дочка	34
Глава 7. Игрок	41
Глава 8. Война и мир	46
Глава 9. Из жизни тараканов	52
Глава 10. Преступление и наказание	58
Глава 11. Осень патриарха, или тень мечты	65

Владимир Колганов

Время теней

Глава 1. Превращение

Многое из того, что недоступно человеку, позволено его тени. Стоит выйти из дома на улицу, заполненную людьми, как обнаружишь, что тени сближаются, тени сливаются в экстазе, а потом расходятся, словно бы живут своей собственной жизнью, непонятной, неподвластной нам. Вот тень карабкается кому-то на спину или прыгает на грудь, а то и вовсе пытается залезть рукой прохожему в карман, что уж совсем недопустимо. Обычно это происходит, когда на небе нет ни облачка, а солнце где-то позади меня сияет в вышине, но, если присмотреться, всё тоже самое и дома. Бывает так, что сразу несколько теней слоняются по комнате, даже если я один – для этого достаточно включить и люстру, и настольную лампу. А если света нет, тени куда-то исчезают – возможно, бродят как неприкаянные под окнами, ожидая появления хозяина.

Я назвал их на французский манер, чтобы ненароком не спутать с подругами, которые иногда заходят в гости, – Жаннет, Адель, Мадлен. И вот одна в прихожей помогает снять ботинки, надевает мне на ноги домашние тапочки, другая

суетится на кухне, готовит ужин, ну а Мадлен расположилась в комнате – ждёт, когда, насытившись, сяду на диван, и лишь тогда включит телевизор и станет рыскать по эфиру в поисках какой-нибудь улады, если не для сердца, то хотя бы для ума. Иногда находит – это тоже тени, пляшущие или разевающие рты, машущие руками или бегущие куда-то, но чаще Мадлен в бессилии пожимает плечами и исчезает – это если я прилягу на диван.

Обычно мы теней не замечаем – и без того полон рот хлопот. Но стоит однажды обратить на них внимание, и всё – больше не отвяжутся! Иду по улице и примечаю – вот эта похожа на жирафа, а та, что по другую сторону от меня, на страуса, который стремглав несётся по тротуару, чтобы занять место в подъезжающем автобусе. Кто-то из них напоминает птицу, расправляющую крылья, кто-то черепаху на утренней прогулке, но внешние признаки изменчивы, куда интереснее узнать, что у них внутри – это в том случае, если за оболочкой тени что-нибудь скрывается. Для того, чтобы разобраться в этом, надо самому стать тенью, однако тут есть немалый риск – ну вот проникну сквозь эту оболочку, а как оттуда выберусь?

Впрочем, всё это из разряда домыслов и пожеланий, а реальность такова, что эти завиральные идеи возникают от безделья. Было бы чем заняться на досуге, мысль превратиться в тень и в голову бы не пришла, но поздним вечером, после уныло прожитого дня, уже когда лёг в постель, пытаешься

кое-что понять и задаёшь себе один и тот же вопрос – почему всё так, а не иначе?

В тот день я возвращался домой не в самом лучшем настроении – к служебным неурядицам прибавилось то, чего я всего больше боюсь. Это когда подруга в своём мифотворчестве переходит все границы – ей, видите ли, в голову пришла шальная мысль, будто нам пора узаконить отношения. И вот трезвонит, настаивая на свидании, а когда отвечаю, что до позднего вечера буду занят, начинается что-то похожее на словесный ураган, словно бы пробудилась неукротимая стихия – тут и обвинения в измене, упрёки в том, что загубил её жизнь, и напоминания о том, как нам было хорошо когда-то. Однако самое неприятное заключается в ощущении своей вины. Ну в самом деле, вскружил подруге голову, но, если бы сразу мне сказала, будто у неё серьёзные виды на меня, я бы всё тут же отыграл назад.

И вот бреду по улице, пытаюсь понять, в чём был неправ, где и когда совершил непоправимую ошибку. А на душе до того паскудно, что хоть матерись, хоть вой, только всё равно ведь не поможет. Тут и случилось то, чего не приснится даже в самом страшном сне – я споткнулся, всему виной стала выбоина в асфальте, и шлёпнулся во весть свой рост на тротуар. Как ни странно, никто не помог подняться, да я и сам вроде бы в состоянии справиться, но оказалось, что всё не так. Оказалось, я ползу вместо того, чтобы идти, как принято у всех двуногих. С чего бы это, и почему никто не обра-

щает внимания на этукую странность в поведении прохожего, будто бы так и должно быть? Свернул в проулок и только тут сообразил, что не могу напрячь мышцы и пошевелить ни рукой, ни ногой, но тем не менее двигаюсь в нужном направлении. А следующая мысль была настолько невероятна, что впору было признать, будто я сошёл с ума. Со все очевидностью вдруг осознал, что превратился в тень – в тень самого себя!

Бывает так, что после изрядного подпития в голове сумбур и трудно устоять на ногах, словно бы я уже не я, а только жалкая пародия на человека. Но тут ведь всё не так – сознание работает, анализирует возникшую ситуацию, пытаюсь всё как бы разложить по полочкам: споткнулся и упал, а потом... Дальше следует вывод, который ни в коей мере не соответствует моим представлениям о сущем – о природе, о физических законах, о формах существования разумных индивидов на Земле. Итак, есть неподконтрольное мне нечто, а в качестве довеска к этому – я, превратившийся в тень. Единственный выход, который позволит не сойти с ума – хотя бы на какое-то время смириться с тем, что произошло, воспринимать это как некий феномен, в котором я обязан разобраться. Всё потому, что больше некому! А для начала решил дать имя тому, кто присвоил себе мой неповторимый облик – пусть будет Гастон, что в переводе с древнегерманского означает «гость».

Только теперь я понял, как нелегко быть тенью – в сля-

котную погоду она вся в грязи, а в мороз готова съёжиться от холода, однако даже этой возможности тень лишена. Бессловесная тварь – вот что я такое! Но вот наконец-то добрались – это панельный дом, таких много понастроили. Преодоление нескольких ступеней на крыльце показалось мукой – приходилось складываться, изображая из себя что-то вроде гармошки. Хорошо хоть лифт работает, а то бы я совсем загнулся, взбираясь на семнадцатый этаж. В лифте всё бы ничего, если бы Гастон не крутил головой туда-сюда – то в зеркало посмотрит, то на крохотный дисплей, на котором высвечивался номер этажа.

Войдя в квартиру – в мою квартиру! – Гастон сел на табурет, водрузив ботинки мне прямо на спину. К счастью, подскочила какая-то девица:

– Сейчас, милый, я помогу!

Затем сняла с «милого» ботинки, надела ему тапочки. После этого Гастон поднялся с табурета, а то я так бы и лежал, уткнувшись носом в грязный половик. Тут только догадался – это ведь Жаннет! Что же получается – тени ожили, обрели материальную форму, а мне уготована роль подстилки? Всё это можно было бы воспринимать как сон, но ущипнуть себя за ляжку никак не удаётся.

Ужин прошёл более или менее благопристойно – только изредка меня окунали головой в тарелку, но этого было достаточно для того, чтобы восполнить силы, поскольку и мне перепало кое-что. Ну а потом все расположились на диване

– это Гастон и три его «наложницы», именно так я определил их статус. При этом мне законного места не нашлось – то я на коленях у Мадлен, то вдруг ласкаю грудь Адель, и только до Жаннет никак не дотянусь, поскольку она уселась где-то сбоку.

Пока они смотрят всю эту белиберду по телящику, у меня возник вопрос: что будет дальше? Неужели вопреки правилам приличий и меня положат вместе с ними в койку? Нет, этого я не переживу! Кувыркаться в постели, не имея возможности испытать хоть малую толику удовольствия... А что, если мне уготована роль евнуха в гареме?

Впрочем, худшие опасения так и не сбылись – во-первых, нельзя кастрировать тень, то есть меня, не лишив «мужского достоинства» Гастона, а во-вторых, вскоре они выключили свет, и я заснул, растворившись в непроглядной тьме.

Глава 2. Десятые врата

Утром Гастон отправился на работу, ну и я поплёлся вслед за ним. Странное ощущение – вроде бы всё так же, как обычно, человек и тень, но только шиворот навыворот, то есть Гастон вместо меня, а я исполняю обязанности его тени. Удивило и то, что он вызвал vip-такси, будто какой-нибудь менеджер в солидной фирме – только ведь тратит мои кровно заработанные деньги! Ну ладно, это я стерплю тем более, что теперь нет нужды шлёпать по грязи, к тому же предоставилась возможность обсудить сложившуюся ситуацию. Понятно, что тени не говорят, но тут особый случай – что-то вроде телепатической связи между человеком и его тенью, что вполне естественно:

– Не мог мне объяснить, что произошло? Почему я это ты, а ты совсем наоборот?

Гастон ослабился, сунул в рот сигарету, даже не спросив разрешения водителя, и только выдохнув струю вонючего дыма прямо мне в лицо, снизошёл до разговора с тенью:

– Ты отстал от жизни, не понимаешь, что в мире происходит.

Я и в самом деле ничего не понял, потому и спрашиваю:

– И что?

– А то, что повсеместно идёт унификация, стандартизация, роботизация, цифровизация, и в этом процессе модер-

низации нет места пережиткам прошлого.

– Это с какой же стати меня записали в пережитки?

– Да очень просто. У тебя есть собственное мнение, свой взгляд на вещи, но это не соответствует тому, что теперь называют словом «тренд». Проще говоря, мы двигаемся в одном направлении, а ты норовишь куда-то вбок, тем самым мешаешь поступательному движению вперёд.

Вроде бы логично, но...

– Послушай! А если вы идёте не туда?

– Большинство никогда не ошибается.

Неужели до того дошло, что большинство людей перевоплотилось, причём каждый в тень самого себя? Да нет, не могу поверить! Наверняка он врёт, выдаёт желаемое за действительное. Однако допустим, что всё так:

– Но и у вас могут быть разные мнения по краугольным проблемам бытия.

Гастон мотает головой, а потом криво усмехнувшись поясняет:

– Ты когда-нибудь видел, чтобы люди сливались в единое целое? Даже в толпе каждый сам по себе! Совсем другое дело тени, – тут он пальцем ткнул в окно: – Вон идут по тротуару несколько человек, почти касаются друг друга, но не более того. А тень на всех одна! Это ли не аргумент в пользу того, чтобы всех людей заменить тенями?

Вот что они задумали! Переворот не то чтобы в сознании, но куда страшнее, если всё у них получится. Надо попытаться

ся как-нибудь его ущучить, доказать, что он неправ:

– Но тень не может написать роман, симфонию, картину. Она не сможет сделать научное открытие или изобрести какой-то агрегат.

– А нам это и не нужно.

Я в ужасе!

– То есть как?

– Достаточно идей, которые возникли у прошлых поколений. Всё это хранится в памяти компьютера, а остальное возьмёт на себя искусственный интеллект.

Выходит, тени собираются обойтись без нас. Если у самих мозгов не хватит, это компьютерное чудо-юдо справится. Но кто-то же должен его запрограммировать?

Гастон читает мои мысли, потому и поясняет:

– Конечно, останется некая прослойка. Это группа программистов, преданных нашему делу и соответствующим образом мотивированных.

Если будут получать зарплату на уровне министра, почему бы нет, вполне возможно. Таких продажных здесь хоть пруд пруди – воспитали новое поколение продвинутых, а у них по доллару в каждом глазу!

Когда приехали в НИИ, туда, где прежде я работал, а не он, Гастон тут же объявил сотрудникам отдела, чтобы по окончании рабочего дня не расходились:

– Проведём политзанятие. Тех, кто попытается увильнуть, оставлю без квартальной премии.

В остальном всё было, как обычно. Оказалось, что у Гастона поразительная память – изъяснялся он теми же словами, что и я, точь-в-точь! Впрочем, слова эти были произнесены ещё до того, как мы с ним местами поменялись.

Ну а в 17-30 началось:

– На первом занятии вы должны понять простую истину, что-то вроде аксиомы. Того, что было раньше, уже не будет, от слова «никогда». Теперь приоритетом для вас должна стать генеральная идея.

Вопросы с места:

– Догнать и перегнать?

– Переориентироваться на восток?

Гастон спокойно разъясняет:

– И это тоже, но суть совсем в другом. Мы должны создать новую цивилизацию. То есть имеется в виду не наш отдел, однако и мы обязаны внести посильный вклад в это крайне важное дело. Я бы даже так сказал, нам выпала честь участвовать в эпохальной миссии.

Тут не удержался от вопроса старичок – он из другого отдела, я даже фамилии его не помню, но вот прослышал про политзанятие и решил зайти «на огонёк». Хотя всё может быть гораздо проще – ностальгия замучила по прежним временам.

– Позвольте, а чем эта цивилизация плоха?

И опять Гастон не растерялся:

– От вас, дорогой товарищ, я подобного вопроса никак не

ожидал. Не вы ли пережили смутные времена, когда колбаса, за исключением ливерной, была дефицитом за пределами крупных городов? Не вы ли стояли в очереди на приобретение автомобиля, а потом мучились с его ремонтом? И вот теперь пришла пора задуматься, в чём состоит причина наших бед.

– И в чём? – не унимался старичок.

– А вот в чём. У нас кто в лес, кто по дрова. При этом каждый одним глазом читает передовицу в газете, а другим смотрит на загнивающий Запад. Ну можно ли косоглазому толковать, в чём его истинное счастье? – и, не дождавшись следующего вопроса старичка, Гастон продолжил: – А счастье в том, чтобы всем вместе строить новый мир, где ни у кого даже тени сомнения не возникнет в том, что он прав, что движется в нужном направлении. Всё потому, что того же мнения придерживается подавляющее большинство его сограждан, да что я говорю – всех людей, живущих на Земле! Тогда легко решаются все наболевшие проблемы и с качеством колбасы, и с недоделками в автомобилях.

– И долго ещё будем это строить?

– Тут многое зависит от нас...

Кого он имеет в виду? Видимо, таких, как он. Вряд ли то, что произошло со мной, может случиться с миллионами людей, хотя наверняка есть другие способы превращения человека в тень.

Тем временем Гастон продолжал политзанятие, заливаясь

соловьём и, надо сказать, имел успех у публики. Вот уж не думал, что люди, которых знаю много лет, не устоят под напором красноречия. Судя по лицам, одних он убедил, другие пока что сомневаются и лишь немногие готовы встать и уйти, однако забота о семье не позволяет – мало того, что останутся без квартальной премии, но есть риск потерять работу. Не хватало ещё, чтобы заставил всех ходить строем, тогда и вовсе будет одна сплошная тень.

В «Божественной комедии» Данте первые пять кругов ада предназначены для невоздержанных, шестой круг для еретиков и лжеучителей, седьмой круг для насильников, восьмой для обманщиков, а девятый для предателей. Я бы предложил учредить десятый круг – для тех, кто якобы из благих намерений пытается превратить людей в некое подобие теней, которые лишены собственного мнения и следуют указаниям своих хозяев.

Глава 3. Отцы и дети

Вряд ли тому, кто создал этот мир, могло прийти в голову, что от его имени будут творить гнусные дела. Впрочем, религия стала средством обеспечить послушание народов власть имущим ещё со времён язычества. Когда же люди перестали верить речам, раздающимся с амвона, пришлось призвать на помощь демократию, причём в самой извращённой форме – народ вовсе не властвовал, но делегировал свою власть неким людям, а уж они правили, следуя собственному разумению, не прислушиваясь к мнению народа. Теперь люди такую «демократию» ни в грош не ставят – уже поняли, что почём. Поэтому кто-то там наверху решил, что пришла пора принимать радикальные меры, иначе будет поздно.

Вот к такому выводу я пришёл, пока Гастон продолжал обрабатывать сотрудников моего, то есть теперь уже его отдела. Кому же в голову пришла эта жуткая идея превратить тем или иным способом человека в тень, добившись тем самым его послушания? Если бы удалось покопаться в мозгах Гастона, я бы наверняка что-нибудь узнал. А почему бы не попробовать, ведь ещё вчера мозговые извилины принадлежали мне, а это значит, что можно найти ключ к разгадке. Начал я, что называется, от печки, с детства, пытаюсь уловить тот момент, когда наметилась зависимость от внешнего воздействия, которая и привела к плачевным результатам.

В любом деле столь грандиозного масштаба одного желания мало, необходима тщательно отлаженная технология. Вот если бы меня оцифровать, тогда любые превращения возможны. Но нет, до этого наша наука ещё не дошла, хотя учёные умы выбиваются из сил, стараясь выполнить заказ, поступивший «сверху». А в прежние времена использовали другие способы воспитания верноподданных: уже с детства зачисляли в октябрята, чуть позже в пионеры, в комсомол, а завершалось всё торжественным приёмом в члены партии. Ну а потом стартуют тараканы бега – куда-то вверх по карьерной лестнице. Впрочем, ни в каких партиях я не состоял, да и в комсомоле только числился, никак не соответствуя требованиям, которые предъявляли к «строителям коммунизма». Напротив, джаз в музыке, импрессионизм в живописи, Олеша, Платонов и Булгаков в литературе – вот увлечения тех лет. Гораздо позже, когда стал понемногу разбираться в политике, моим кумиром стал Юрий Афанасьев, один из первых «демократов», однако через несколько лет в нём разочаровался. В значительной степени на это повлияло его признание в том, что первые демократы были той самой ширмой, прячась за которой оборотистые люди рассовывали народное достояние по своим карманам.

Что же получается? На первый взгляд я вроде бы не подхожу на роль послушного исполнителя чужой воли, но тут возникает вопрос: что сделал, чтобы противодействовать тому, что вокруг творилось? Ответ предельно прост: ровно ниче-

го! Это если не считать бессмысленного стояния у стен Белого дома на Краснопресненской набережной в августе девяносто первого, да судебной тяжбы с московскими властями по квартирному вопросу, которая завершилась вполне ожидаемым итогом. Всё потому, что прав тот, у кого больше прав. Ну а что ещё я мог бы сделать? Выйти на Красную площадь с плакатом «Долой самодержавие!»? Мало того, что отправят в психушку, но ведь толку от таких протестов буквально никакого!

Вот это осознание собственной немощи на долгие годы отвадило меня от «участия в общественной жизни» – так принято квалифицировать мою позицию. Что уж говорить, если не голосовал ни за одного депутата Думы, и московской, и государственной. Впрочем, за президента опустил в урну бюллетень, поскольку альтернативы ему в списке кандидатов так и не нашёл. Так где же я оступился? Речь не о той выбоине в асфальте, когда растянулся во весь свой немалый рост, рухнув на тротуар. Что-то было раньше, о чём я почему-то забыл, постаравшись выкинуть это событие из памяти. Неужели отвергнутая подруга навела порчу на меня? Один бог знает, где искать ту «ахиллесову пяту», ту точку приложения колдовских сил, которая превратила меня в тень.

Вдруг слышу голос:

– Я тут ни при чём. Это всё Геката! Подлая баба давно отбилась от рук, никакого сладу с нею нет.

Это что же получается? Сам Зевс передо мной оправды-

вается...

А тот словно бы читает мои мысли:

– Боги редко признают свои ошибки, но тут случай особый, из ряда вон. Если Геката доведёт своё колдовство до желанного финала, тогда всем мало не покажется, мир погрузится во мрак.

Я в отчаянии:

– Так сделай что-нибудь!

– Я же сказал, что не могу, – Зевс задумался, а потом спросил: – И на чём же Геката тебя подловила?

Тут я и рассказал ему про свою подругу – ту самую, которая вчера целый день названивала по телефону. Зевс выслушал мою исповедь не перебивая, а потом и говорит:

– Да, мы с тобой товарищи по несчастью, оба пострадали от баб. И зачем только я назначил их богинями? Афродита ещё куда ни шло, по крайней мере, есть на что посмотреть, а с остальных и взять нечего, одна дурь в голове.

– Неужели ничего нельзя поделатать?

Зевс опять задумался. А я уже готов смириться – всё! Если на Зевса нет надежды, тогда хоть в омут головой. Только ведь я лишён такой возможности.

Но Зевс не зря взял паузу – вроде бы решение нашёл:

– Сделаем так. Я создам сейчас твою точную копию, вы называете этот процесс клонированием.

– И что, прямо здесь, в стенах родного НИИ материализуюсь совершенно голый, совсем, как в «Терминаторе»?

– Ну до чего ж ты непонятливый! Двойник будет создан в таком же виде, что и оригинал, то есть обут, одет, и документы во внутреннем кармане пиджака. Я полагаю, безопаснее всего будет сделать это в твоей квартире, чтобы никто не помешал.

Против этого я не возражал, но тут возникло опасение – я это буду или же не я?

– А что будет с моим Эго?

– Эго останется с тобой, всё, как положено. А уж ты с его помощью дерзай, борись с этими тенями.

– Господи! Я же не Геракл, чтобы совершать такие подвиги.

– А кто сказал, что будет легко? Сам набедокурил, сам исправляй свои ошибки. А то ведь только и слышу: «Помоги, Господи!»

В этом он, пожалуй, прав. Но первым делом после переселения в тело дойника я решил принять душ, поскольку даже запах Гастона мне противен. Вот не могу поверить, что я прежде так вонял. Ну а потом отправился к подруге.

Лара, увидев меня, очень удивилась, это мягко говоря:

– Ты?!

– Как видишь, у меня есть свои методы против порчи и дурного глаза. Ты просчиталась, милая, только зря потратилась.

Подруга в бешенстве:

– Вот стерва! Я заставлю её деньги вернуть, причём с про-

центами.

Дальше уже дело техники – Лара выложила всё, что знала про колдунью, а потом изобразила самую очаровательную из своих улыбок и спрашивает:

– Может, всё назад переиграем? Как будто ничего и не было... Кстати, я тут бутылочку «Шато Марго» припасла специально для тебя.

Опять? Всё это мы уже не раз проходили. Ну сколько можно наступать на одни и те же грабли?

А ей сказал:

– Я твоё предложение обдумую, но сейчас извини! Много срочных дел.

Она кричит: «Вот так всегда!» А я уже бегу к двери.

Глава 4. Дама с собачкой

По словам Лары, колдунья жила на углу Рождественского и Цветного бульваров. Согласно воспоминаниям Владимира Гиляровского, в прежние времена близ Трубной площади было множество разбойничьих притонов, особенно на «Драчёвке», ныне Трубной улице. В её начале, стояло здание, в подвале которого размещался трактир для избранных, имевший два отделения: «Ад» и «Преисподня». Тут собирались грабители, воры, шулера и прочий «деклассированный элемент». А на верхних этажах располагался трактир для добропорядочных граждан. С этим трактиром связана история страшного преступления. Здесь весной 1866 года под руководством студента Николая Ишутина разрабатывался план покушения на Александра II. По имени существовавшего здесь притона группа ишутинцев называла себя «Ад». Вот ведь где я оказался! Но ради благого дела готов рискнуть, надеясь, что за сто с лишним лет многое изменилось к лучшему.

По адресу, который дала мне Лара, располагался банк, причём весьма солидный, если судить по внешнему виду. Но кто знает, что там у них внутри? Я должен был обратиться к администратору, тот и проведёт меня к колдунье:

– Я к вам по совету Лары.

– Милости просим, милости просим! Как Ларочка пожи-

вает?

– Лучше некуда.

Итак, спустились на лифте на три этажа, в этом подземелье и располагался офис Рады. Кстати, очень удобно – цыганка обрабатывала клиента, а тот в итоге соглашался на все условия банка – можно брать недотёпу голыми руками. Но меня так просто не возьмёшь!

Комната без электрического освещения – только свечи в массивных подсвечниках расставлены по углам, а на стенах что-то зловещее вроде африканских масок. И ещё на руках у Рады собачка неизвестной мне породы – очень похожа на откормленную крысу.

Рада сразу к делу приступила:

– Ну что, родимый, плохо тебе? Позолоти ручку, помогу. Вот так сразу вынь ей, да положи!

– Я бы хотел сначала оценить ваши возможности.

Рада смотрела не мигая, видимо, пыталась понять, кто перед ней – обычный лох, которых здесь побывало много, или кто-нибудь покруче. А потом вдруг сказала:

– Уходи!

– Но почему?

– В тебя вселился злой дух, против такого я бессильна.

Есть ощущение, что подходим к самому интересному:

– И кто же он такой?

– С такими связываться себе дороже будет.

– Поясни!

– Я всего лишь бедная цыганка, а он из тех, что властвуют в подземном царстве.

Намекает на Подземное царство теней? Это уже горячо!

– И как же мне с ним сладить?

Рада опустила собачку на пол и взяла в руки толстенную книгу в кожаном переплётё, полистала, а потом говорит:

– Здесь сказано, что надо взобраться на восьмой холм...

– Но в Москве их только семь!

– Не перебивай! У подножия холма находится вход в подземелье, там злой дух и обитает, – а потом добавила: – Если только не отлучился по своим делам.

Вот ведь загадала мне загадку! А тут новая проблема – домой возвращаться нельзя, поскольку там уже наверняка Гастон. К счастью, приятель вошёл в положение, приютил.

До самой ночи и весь следующий день я просидел в интернете, отыскивая этот холм, благо в НИИ теперь можно не появляться. Восьмое «чудо света» так и не нашёл, но на излёте дня кое-что забрезжило. А что, если это высотное здание – с известными допущениями его вполне можно принять за холм. Но за последние годы их столько понастроили, что дуба дашь, пока облазишь все подвалы... И только ночью, когда уже готовился ко сну, вдруг озарило: так это же Мавзолей, тот самый, у Кремля, на Красной площади! Для человека, плохо знакомого с историей нашего государства, это произведение искусства в стиле конструктивизма вполне можно принять за пирамиду какого-нибудь Хеопса или что-

то в этом роде. В пользу этой версии свидетельствует и предназначение пирамиды – это же усыпальница египетских фараонов, то есть очень важных персон. Но ведь злой дух, что явился из Подземного царства теней, в этом у меня нет никаких сомнений, – тоже незаурядная личность, скорее всего, вождь всех теней, главный начальник над Гастоном и прочими. Вот только непонятно, чем ему приглянулось это место.

С утра опять копался в интернете и наконец нашёл. Есть мнение, что Мавзолей по своему стилю напоминает «Пергамский алтарь», произведение искусства эллинистического периода, получивший название по месту своего создания, городу Пергам, что в Малой Азии. Основная тема рельефных изображений – битва богов с гигантами. Традиционно считается, что алтарь был посвящён Зевсу, однако во второй главе Откровения Иоанна Богослова есть такие слова: «И Ангелу Пергамской церкви напиши: ... ты живёшь там, где престол сатаны». Тут смешалось вроде бы несовместимое – и ангел, и сатана. Как прикажете это понимать? И тут я вспомнил слова Гастона о том, что он хочет осчастливить человечество – но какими же гнусными средствами намерен этого добиться! Так может поступать только сатана или его посланник, полномочный представитель на Земле.

В Мавзолею я побывал, но кроме саркофага с лежащим в нём вождём мирового пролетариата ничего достойного моего внимания так и не увидел. Вождь как вождь, таких немало было на Востоке и на Западе, и кое-кому из них сооруди-

ли мавзолеей. Но где же обитает злой дух – неужели цыганка обманула? С неё станется, однако, если в книге так написано, должен быть какой-то смысл в её словах. Пока не разберусь, все надежды справиться с этими тенями тщетны. Зря старался?

И тут словно бы внутренний голос подсказал – так ведь дух потому и дух, что он бесплотен, ему не нужно постоянное жилище. Вчера он был в Мавзолее, а завтра где его искать? Тут следует иметь в виду, что главная его задача в том, чтобы воздействовать на умы. А дальше всё идёт по нарастающей – в одну голову проник, а та разносит заразу по другим умам, почти как у Высоцкого. В этом и состоит его зловредность, в этом цель его пребывания на Земле. Но как же от него избавиться, если он бесплотен?

Глава 5. Дворянское гнездо

В былые времена многие важные вопросы обсуждались на подмосковных дачах – в Кунцево, на Воробьёвых горах, в Филях, в Завидово, в Петрове-Дальнем, а потом в Барвихе. Там витал дух умершего вождя, не исключено, что на стене непременно висел его портрет, источая некое благоухание, которое дурманило голову, щекотало обоняние. Впрочем, кто знает, что он источал – скорее всего, запах жидкости вроде полироля, которым регулярно протирали стекло, засиженное мухами.

Что же это было за собрание – урезанный состав Политбюро, сборище масонов или тайная вечеря тамплиеров? Я склоняюсь к мысли, что это больше напоминало дворянское собрание, поскольку все признаки титулованности, аристократизма и высокородности налицо – помимо всяческих регалий, это и ежемесячное вознаграждение за «ратный труд», во много раз превышающее средний доход на душу населения, но самое главное в другом. Только эта кучка якобы интеллектуалов имела право принимать судьбоносные решения, не спрашивая мнения других жителей страны. И тут возникает вроде бы ничем не подтверждённое предположение – не там ли плодятся духи, один из которых доставил мне кучу неприятностей?

Признаюсь, мысль кошунственная, поскольку эти люди

много хорошего сделали для страны. Но вот вопрос – каким образом они добились реализации своих идей? Ну, может быть, не своих, а тех, что подсказаны помощниками – это не столь важно. Или ещё более важное сомнение – могли они добиться большего, если бы использовали другие методы управления подконтрольным населением? Конечно, когда все ходят строем, подчиняясь приказам, очень удобно управлять, а если каждого индивидуума убеждать в разумности, логичности и целесообразности принятых решений, это же никакого здоровья им не хватит, даже с учётом допайка!

Вот потому и решил искать злого духа на одной из подмосковных дач – место строго засекреченное, но «с божьей помощью» мне удалось узнать, где оно находится. А толку что? Ведь через пятиметровый забор не перелезешь, да и перспектива оказаться добычей злых собак совсем не впечатляет. Так и слонялся по лесу, прилегающему к даче, пока один из местных грибников не надоумил:

– Они тут охочи до грибов. Если какая-то вечеринка намечается, я им корзину свежих белых приношу, выгода немалая. Только уж очень привередливые у них повара, каждый гриб рассматривают под микроскопом и полкорзины отбракуют. Но всё равно игра стоит свеч.

Так почему бы не попробовать? Припомнились строки из стихотворения Бальмонта:

И понимая всю обманность чувства,

Игру теней, рожденных в мире мной,
Я, как поэт, постигнувший искусство,
Не восхищен своею глубиной.

Ну вот и мои потуги разобраться в этом деле пока не заслуживают восхищения тем более, что не имею никакого отношения к рождению теней. Мне бы найти хоть крохотный намёк на то, что именно здесь затевается игра, а ради этого можно и пойти на риск.

На следующее утро я уже бродил по лесу и к обеду набрал полную корзину. Теперь осталось произвести благоприятное впечатление, а там уж как повезёт. Когда пришёл, нажал на кнопку, что-то вроде домофона, тут и началось. В первую очередь потребовали паспорт, потом «пробили по базам», а когда убедились, что за границей не был, к суду не привлекался и не имел связей с непримиримой оппозицией, стали придираться:

– Вы почему сегодня не на работе?

– Отпросился у начальства, взял отгул.

– А зачем именно в этот лес пришли?

– Так ведь за грибами. Раньше ездил за Нарофоминск, но это уж очень далеко. Добрые люди подсказали, что тут места грибные.

– Кто конкретно подсказал?

– Да на прошлой неделе в электричке.

– Билет сохранили?

– Нет.

– Это плохо. Ну ладно, проходите!

Не успел я пройти мимо охранника через калитку, как подскочил ещё один, уже с собакой. Та всего меня обнюхала и заскулила – видимо, разочарована тем, что не удалось разоблачить преступника. Затем пропустили через рамочный детектор, корзину рентгеном просветили и только после этого проводили к поварам.

И вот осторожно выложили все мои грибы на стол, стали разглядывать – если желтизна какая, тут же отправляли гриб в помойное ведро. К счастью, больше половины урожая признали годным, но с условием:

– Сейчас мы блюдо приготовим, а ты его попробуешь. Согласен?

– Почему бы нет, если стопаря нальёте.

А сам думаю: что, если тут растут только несъедобные грибы? К примеру, какой-то злоумышленник разбросал отраву, а мне придётся потом делать промывание желудка, а то и вовсе дуба дам? Но это всё же лучше, чем стать обвиняемым по делу о попытке отравления высокопоставленных чиновников.

Пока готовили обед, на территорию дачи съезжались гости, все на шикарных автомобилях, каждый со своей охраной. А я сижу у входа на кухню под присмотром одного из охранников и думаю: что день грядущий мне готовит? Наконец, повар вынес на подносе крохотную порцию жульена из грибов, ну и рюмку с водкой не забыл – всё почти так же, как

у Булгакова в «Собачьем сердце». Ещё с полчаса охранник следил за моим самочувствием, затем пришёл врач, померил пульс и дал отмашку:

– Можно подавать к столу!

Однако меня не отпускали – видимо, отвели роль козла отпущения на тот случай, если гостям блюдо не понравится. И снова жду. Наконец, слышу, кто-то из сидящих за столом, накрытым на поляне перед домом, оценил мой вклад в эту трапезу.

– Жульен на уровне мировых стандартов! Лучше, чем едал в Париже во время последнего визита. Классные у тебя повара!

– Других не держим. Кстати, и грибник наш постарался.

– Это кто такой?

Тут ко мне подбежал кто-то из охраны, схватил за руку и потянул за собой, приговаривая:

– Быстрее, быстрее! Чего плетёшься, как черепаха? Люди ждут!

Когда подошёл к столу, спросили:

– Кто таков?

Представился, назвав имя и фамилию, а им всё мало:

– Где работаешь?

– В НИИ.

– Какую продукцию разрабатываете?

– И для народного хозяйства, и для министерства обороны.

– Значит, есть форма допуска?

– Есть, первая. Я отделом руковожу, по должности положено.

Тот, что меня за руку сюда тянул, подтвердил:

– Так и есть, лично проверял. И фотография из личного дела соответствует.

Сидящие за столом заулыбались, словно бы признали во мне своего, а самый главный, тамада, сказал:

– Чего стоишь? В ногах правды нет, так что садись за стол.

Тут же принесли прибор, налили мне водки, а потом тост за тостом – и за процветание России, и за мир во всё мире. В промежутке между вторым и третьим тостом сосед ткнул меня локтем в бок:

– Небось, сроду не сидел за одним столом с руководителями государства?

Хотел сказать: «Бог миловал!», но воздержался – кто знает, возможно, таких шуток здесь не понимают. Только кивнул, сделав вид, что никак не прожую бутерброд с паюсной икрой.

Но после пятого тоста тамада мне говорит:

– Ты пойди пока погуляй, а мы здесь кое-что обсудим.

Я опять уселся на завалинке у кухни, сижу, перевариваю фаршированного поросёнка – пришлось кусочек съесть, хотя жирного не переносу, поскольку очень вредно для мозгов. А этим, похоже, всё равно – они и свинью враз раздербанят.

Через полчаса опять зовут за стол – похоже, всё решили, проголосовали, утвердили.

А дальше ничего не помню, поскольку с утра маковой росинки во рту не было, а ведь ещё пришлось пить «на посошок». Хорошо хоть догадались уложить спать в гостевом домике, а то, если бы отвезли домой, мог наткнуться на Гастона – тогда всё, пиши пропало, влип!

Глава 6. Капитанская дочка

Ранним утром решил освежиться в бассейне, а там девица уже плавает, причём совершенно голая. Ощущения такие, будто ещё сплю – самое время в воду бухнуться, снял штаны, но тут она заметила меня, кричит:

– Эй! Ты как сюда попал?

– Я вчера грибы принёс, а потом за стол усадили.

– Врёшь, так не бывает, чтобы чужака приняли в свою компанию.

– А ты откуда знаешь?

– Я здесь живу. Мой отец руководит охраной этого объекта.

Тогда понятно. Сейчас обвинят в попытке изнасилования малолетней, а потом прямиком в Мордовию или на Колыму. Но девица вроде сжалилась:

– Ладно, выведу тебя по-тихому за территорию, но сначала отвернись.

Зажмурился, но хмель, видимо, ещё не выветрился из головы – я потерял равновесия и рухнул в воду. Кстати, помогло – вода прохладная, поэтому сразу пришёл в норму, словно бы никакого подпития накануне не было. Да и то верно, что даже водка здесь особая, без капельки сивухи – совсем не то, что в обычном супермаркете.

К тому времени, как вылез из воды, девица уже успела

одеться. Подошла, протягивает махровое полотенце:

– Оботрись, сейчас уже не лето, можно простудиться.

И на том спасибо! Вот если бы ещё горячего чайку...

За этим дело не стало. Настя, так девицу звали, привела меня в дом, где располагалась охрана – там же и квартира, в которой жил её отец, капитан первого ранга, прежде служивший в контрразведке Северного флота. Об этом Настя рассказала, пока пили чай.

– А ты чем занимаешься? – это уже я стал её расспрашивать.

– Учусь в МГИМО на факультете журналистики.

– Что ж, при твоих внешних данных вполне можно рассчитывать на место ведущей программы «Время».

Настя зарделась – видимо, не привыкла слышать такие комплименты. Странно, здесь же бывает много мужиков, охочих до «клубнички». Так ей и сказал, но в более мягкой форме, а она в ответ:

– Когда намечаются очередные посиделки, отец отправляет меня в Москву, там у меня своя квартира. Я незадолго до твоего появления приехала.

А я подумал о другом: мне домой пока нельзя, пользоваться гостеприимством приятеля долго не смогу, а ведь сколько продлится эта заварушка, даже Зевсу неизвестно, так почему бы не воспользоваться удобным случаем?

– Слушай, у меня в квартире начался ремонт, нельзя ли где-то здесь перекантоваться? Вот и лес рядом, а когда за-

кончится грибной сезон, думаю, ремонт закончится.

Настя мотает головой:

– Нет, это строго охраняемый объект. Удивительно, что тебя пропустили и даже на ночь здесь оставили. Ты, случайно, не из этих, не из ФСБ?

– Боже упаси! Я работаю совсем по другому профилю, в НИИ, однако имею доступ к секретным документам...

– Тогда понятно. Хоть и не свой, но доверие заслужил.

– Не то, чтобы заслужил, но им грибы мои очень уж понравились.

– Так потому и приезжают сюда. Но хоть бы один взял в руки корзину и пошёл в лес! Нет, все предпочитают на готовенькое.

Тут Настя задумалась, а потом говорит:

– Летом я здесь как правило живу, а московская квартира пустует. Можешь там пожить. Я только иногда буду приезжать, ну как вчера...

– Это весьма любезно с твоей стороны. А как с платой за жильё?

– Да брось! Какие могут быть счёты между добрыми знакомыми? – при этом как-то странно, со значением улыбнулась.

И то верно. После того, как увидел её голой, сразу перешли на «ты». Не удивительно, что буду теперь жить в её квартире.

Что ж, всё складывается неплохо – вот и «свой человек»

у меня в дворянском гнезде, можно надеяться на получение интересной информации. Ну а сейчас пора бы собираться в путь. Настя дала мне ключи от квартиры, сообщила код для входа в дом, позвонила консьержке, мол, позволила приятелю пожить в своих хоромах, а потом проводила до автобусной остановки. Расстались как друзья, причём я с надеждой на скорую встречу...

Квартира оказалась вполне современная, со всеми прибамбасами, всё как в Европе или в Штатах, совсем не так, как у меня, но и к этому можно привыкнуть. В конце концов, есть жильё, а деньги на пропитание – это не проблема, поскольку заранее снял их со своего банковского счёта, чтобы, не дай бог, Гастон не оставил меня без средств к существованию. Жаль только, вчерашнее подпитие повлияло на мозги – ни одной интересной мысли, ну хоть плач! Решил поспать – это проверенный способ снова обрести способность к ассоциативному мышлению, а без этого совсем беда!

Разбудили меня какие-то звуки. Неужели и в элитном доме слышимость, как в фабричном бараке времён строительства развитого социализма? Открываю глаза, а передо мной стоит Настя, чуть не плачет:

– Понимаешь, у них сегодня снова посиделки, мало им вчерашнего! Если бы знала, с тобой бы поехала в Москву.

– И кто ж тебя довёл до слёз?

– Есть там один. Как первый раз меня увидел, так прилип, не отстаёт. Такое впечатление, что глазами раздевает. Отец

поэтому и отпралял меня загодя в Москву. А тут похоже, что вчера о чём-то они не договорились, и вот приехали снова обсуждать, потом, как водится, застолье. Я только собралась уезжать, а этот тут-как-тут, прижал к стене, начал лаптать, приговаривая: «Если будешь паинькой, озолочу!» Еле вырвалась, села в машину и сюда.

Тут Настя разрыдалась. Надо бы утешить, но как, если знакомы всего несколько часов? Решил отвлечь, перевести разговор на другую тему:

– Любопытно, о чём не договорились?

– Да что-то серьёзное у них намечается. То ли с америкосами конфликт, то ли с талибами. Ведь из Афгана наркоту сюда везут, вот наши и думают – либо опять вводить туда войска, либо обождать. Папа очень огорчился, когда прослышал об этих планах. Ведь это же огромный риск, америкосы встанут на сторону талибов, а нам на два фронта воевать.

Вижу, не зря приняли её в МГИМО – в текущей международной обстановке способна разобраться. Надо получить от неё побольше информации:

– Наверняка наши генералы за вторжение.

– Совсем наоборот! Говорят, что не готовы. Папа со многими из них знаком, так что знает мнение из первых рук.

– И никто не протестует?

– Смеёшься? Тут же лишатся и погон, и орденов за прошлые заслуги.

– Да, скверная ситуация. Надежда только на депутатов,

среди них немало умных людей, имеющих собственное мнение по таким вопросам.

Настя машет руками:

– Не обижайся, но у тебя представление о них такие, как у моей соседки. Та с утра до вечера смотрит телевизор, предпочитает СТС или ТНТ. На самом деле, почти все депутаты подкаблучники, боятся потерять своё кресло, привилегии, потому и слова поперёк не скажут. Есть, конечно, оппозиция, но в основном для мебели, а толку от неё никакого.

Я с этой публикой не знаком, поэтому и сомневаюсь:

– Неужели всё так плохо?

– Вот посмотри! Если сегодня они примут решение ввести войска в Афган, завтра же снова будут посиделки. Приедут руководители фракций, профильных комитетов, и начнётся обработка.

– Это как?

– В случае отказа поддержать решение, станут обвинять в отсутствии патриотизма, а потом пообещают им поднять зарплату. Если и это не поможет, выложат на стол компромат, его достаточно накопилось, причём на каждого из них. Так что заранее можно быть уверенным, что проголосуют все, как надо, к бабке не ходи!

– Откуда ты всё знаешь?

– Да потому, что не раз видела всё это собственными глазами. Тогда ещё с папой там жила. Это уже потом он купил для меня квартиру, всего год назад, как только поступила в

институт.

Что ж, тут есть над чем подумать. Ясно, что нужно что-то предпринять, но так, чтобы не подставить Настю. Она и впрямь всполошилась:

– Похоже, я наговорила много лишнего. Но ты меня не выдашь?

– Можешь быть спокойна, я не предаю друзей, особенно таких привлекательных, как ты.

У Насти уже просохли слёзы, улыбается:

– А если бы другая была на моём месте, ну не уродина, а так себе?

– Тогда бы не поверил тому, что говорит.

– Почему?

Похоже, я слегка заврался. Но даже из этой ситуации есть выход:

– Видишь ли, приятно быть обманутым красивой женщиной. Во всяком случае это я стерплю. А вот если бы услышал такое от малосимпатичной, решил бы, что гонит «дезу» ради того, чтобы завлечь меня в постель. Кстати, постель – это надёжный способ для того, чтобы выяснить – врёт или не врёт?

Она смеётся:

– А что, давай попробуем.

У меня и в мыслях ничего такого не было, но тут подумал: ну до чего же хороша! Красавица, умница, добрая душа... От такой бы не сбежал ни при каких условиях.

Глава 7. Игрок

Можно играть на гитаре, фортепьяно, контрабасе, а можно – на противоречиях между элитами. Это я к тому, что война нужна тем, кто делает деньги на поставках военной техники, а производителям колготок или свадебных нарядов вооружённые конфликты совершенно ни к чему. Столь многообещающая мысль возникла у меня где-то ближе к вечеру, когда сидели с Настей за столом, наслаждаясь шампанским в сочетании с мороженым. Потому и задал ей вопрос:

– Нет ли у тебя знакомых среди тех, кто нажил капитал на экспорте газа или нефти.

– А тебе зачем?

– Ну скажем, хочу заняться бизнесом, вот и нужен совет сведущего человека.

Настя задумалась, а потом словно бы что-то вспомнила:

– Отец моей подруги член совета директоров «Роснафты». Подойдёт?

– Вполне! Как бы мне с ним встретиться?

– Даже и не знаю... Разве что напроситься к ним в гости. Только какой статус тебе больше подойдёт, личного охранника или жениха?

Она смеётся, а я против жениха был бы совсем не против, но, к сожалению, по возрасту не подхожу. Так ей и сказал, но ответ её не вполне удовлетворил:

– Ты, наверное, забыл, что любви все возрасты покорны? Ну ладно уж, тогда представлю тебя как своего дядю из Саратова.

– Да я там сроду не был!

– Неважно! Оттуда родом мой папа, так что никто не придерётся, даже если будут проверять.

Тут у меня возникла мысль: а не работает ли Настя в контрразведке, следуя по стопам своего отца. Вот такая у них семейная династия – тем более, что многим выпускникам МГИМО в дальнейшем приходится сотрудничать с СВР или ФСБ. Почему так решил? Да потому, что уж очень хорошо она разбирается в тонкостях работы контрразведки. Впрочем, могла у своего отца набраться опыта в таких делах.

– Что ж, пусть буду дядей. Только надо бы легенду более тщательно продумать.

У Насти глаза на лоб:

– Это ещё зачем? Ты, похоже, дешёвых детективов насмотрелся.

Хотел сказать: «Сама такая!» Но промолчал, поскольку провокация не сработала, а значит и моя догадка о её связях с контрразведкой взята, что называется, с потолка. Пусть там и останется.

На следующий день поехали на Рублёвку. Я уже стал сомневаться в возможности реализации своего замысла, однако Настя обещание выполнила, добилась приглашения на дачу к этому нуворишу. Хочешь не хочешь, но придётся дей-

ствовать по намеченному плану, хотя, если честно, плана никакого не была – только надежда на удачу.

Особняк за воротами, но забор тут чуть пониже и охранников поменьше – видимо, не положено по статусу. Встретила нас Настина подруга, а когда уселись за стол в саду, подошла её мать, весьма импозантная дама, а ещё более привлекательной была лет десять назад. Но это мне вполне подходит – именно её я должен очаровать, хотя кроме деловых причин других намерений у меня не было. Всё потому, что через доброе сердце жены собирался проникнуть в мозговые извилины мужа, проще говоря, войти к нему в доверие.

Настя и её подружка сразу по приезде направились к бассейну, но я, увы, не мог к ним присоединиться – дело прежде всего! С хозяйкой этого поместья мы сошлись на почве увлечения живописью и литературой – импрессионистов Елена Павловна обожает, а от Булгакова и вовсе без ума. Тут наши вкусы совпали, поэтому я получил возможность в перспективе стать частым гостем в этом доме. Однако каких же сил мне стоило продолжать этот разговор в ожидании того, как появится хозяин! Наконец-то прибыл, злой как чёрт, а усевшись за стол сразу потребовал коньяка – видимо, неприятности и впрямь серьёзные. Елена Павловна тут же ушла к себе, от греха подальше, как бы не попасть под горячую руку мужа.

Лишь после того, как я помог Семёну Аркадьевичу ополовинить бутылку, удалось развязать ему язык. И вот что вы-

яснилось:

– Они там посходили все с ума! Если пойдут на эта авантюру, нам же нефтепровод перекроют, а куда тогда качать? Я бы вправил им мозги, но руки короткие.

Понятно, на кого он намекал, и тут появился шанс выступить, если не в образе доброго волшебника, то хотя бы в качестве соратника в борьбе за сохранение доходов его фирмы.

– Да, затея явно обречена на провал, опять наступают на те же грабли.

– Ну вот и вы об этом слышали, а ещё говорят о высшей степени секретности. Наверняка америкосы всё знают и успеют подготовиться.

– Вы правы, разведка у них на хорошем уровне. Не исключено, что и за нами сейчас из космоса кто-то наблюдает.

Семён Аркадьевич кинул взгляд на небо и махнул рукой:

– Да пусть смотрят, хоть в ванной, хоть в сортире, мне не жалко. Но ведь, если так пойдёт, могу остаться без порток! У меня же весь капитал в европейских банках! Ума не приложу, что делать.

Тут самое время закинуть удочку:

– Но вы же не один такой! Не пробовали обсудить эту ситуацию с партнёрами по бизнесу? Можно как-то выразить протест.

– Да толку что? Все боятся... А вдруг национализируют компанию?

– Я слышал, что в таких случаях помогает объединение

усилий всех экспортёров, плюс банкиры, которые тоже могут пострадать. Это же немалая сила!

В глазах Семёна Аркадьевича забрезжила надежда:

– Вы думаете?

– Надо только отсеять ненадёжных, тех, кто заискивает перед властью, смотрит ей в рот в ожидании новых преференций.

– Да, такие нам известны. Но и они могут поддержать, если запахнет жареным, – потом улыбнулся и отвесил что-то вроде комплимента: – А у вас голова варит. Давно в бизнесе?

– Пока только присматриваюсь.

– Если что, я помогу. Конечно, если дело выгорит...

Пришлось налить ещё по одной, а то опять Семён Аркадьевич раскиснет. Потом, когда продолжили разговор по делу, он спрашивает:

– Так с чего начать?

– Я думаю, надо подготовить план действий, которые вы сможете предпринять, если сбудутся худшие ожидания. Это и должно стать предметом обсуждения.

– С утра на свежую голову этим и займёмся. Как у вас со временем?

– Я в отпуске.

– Прекрасно!

Глава 8. Война и мир

Ещё в школе нам твердили, что есть войны захватнические, а есть освободительные. Захватническая – это когда войска пересекают границу и вторгаются на чужую территорию. Но вот во время Великой Отечественной войны наши войска вошли на территорию Германии, однако, где же здесь захват? Тоже самое в Афгане – мы и там на земли пуштунов и других племён не претендовали. Иная ситуация с Израилем – вроде бы захватывает чужие территории, но утверждает, что делает это ради обеспечения безопасности своего народа, освобождая сопредельные страны от террористов. В общем, всё сложно в этом мире – очень трудно понять, чем война отличается от борьбы за мир.

Иногда мир хуже войны, поскольку теряется смысл существования. Плодиться, размножаться? Для чего – для того, чтобы пришли освободители и ценою немалых жертв свергли тамошнее правительство? Кто-то такие действия поддерживает, а другие говорят:

– Да, плохо жили при том режиме, нас притесняли, лишали гражданских прав. Но ведь жили, а теперь с каждым днём могилы на погосте прибавляются.

Тут снова возникает дилемма – то ли убивать ради счастья грядущих поколений, то ли смириться с тем, что есть. Злой дух, который якобы творит во благо, сомнений не ис-

пытывает – для него цель оправдывает средства. Но что сможет противопоставить этому дух добрый? Возможно, разведёт руками и скажет:

– Разбирайтесь сами.

Можно ещё посоветоваться с людьми, провести всенародный референдум, но, если я не в состоянии найти ответ, тогда что смогут люди малообразованные, которые никогда не забивали себе голову краеугольными проблемами бытия? К примеру, Кутузов сдал Москву – прав он был или не прав? Наверно, прав, если сберёг жизни многих людей, но ведь нельзя же всегда отступать под напором превосходящих сил.

Вот и теперь с Семёном Аркадьевичем никак не можем решить, какие действия предпринять, чтобы не случилось худшее. Много вариантов рассмотрели, но всё как-то неубедительно, не впечатляет. Сколько бы ни приводили доводов, нам ответят, что решение принято в интересах государства и отмене не подлежит ни при каких условиях. В общем, ситуация складывалась безнадежная.

И тут словно бы что-то щёлкнуло в моём мозгу:

– Бабий бунт!

– Ты это к чему?

– Да к тому, что решения политиков основаны на логике, каждому нашему аргументу они противопоставят свой, то есть политические соображения, экономические выкладки. Но против бабьих воплей логика не устоит!

Похоже, моя идея ему понравилась.

– Так, так! И где же этот вопль должен прозвучать?

– Для начала используем телевидение, хоть какой-то толк будет от него. Вы же финансируете несколько телеканалов?

– Допустим. А потом?

– Потом женщин выведем на улицы, всех от мала до велика. Не будут же омоновцы их дубинками лупить! Рука у них не поднимется.

Семён Аркадьевич на этот раз не впечатлён:

– Нет, это не годится. Баб вразумить невозможно, ничто не заставит их бунтовать. Покричат, покричат и разойдутся. Примерно так же, как с моей Еленой. К примеру, вечером готова от меня уйти, поскольку исполнять её прихоти я не согласен, но к утру ей удаётся меня уговорить. Ну ты сам понимаешь, каким способом.

«Вот оно!» – снова щёлкнуло в мозгу.

– Семён! Так это то, что нужно.

– Ты о чём?

– Да о любви, плотской в данном случае. Если жена откажется спать с мужем, что будет?

– Пойдёт в публичный дом или с секретаршей переспит прямо в служебном кабинете.

– Это само собой. Но согласить, что крайне унижительно для мужика, если жена ведёт себя так недостойно по отношению к отцу своих детей.

– Ну и что? В семейной жизни всякое бывает, но через пару дней всё возвращается на круги своя.

Ничем его не проймёшь! Ну разве что его самого унизят.

– А давай проведём эксперимент. Я Елену Павловну уговорю впредь отвергать все твои ласки, не соглашаться лечь с тобой в постель. Посмотрим, как ты запоёшь через неделю!

В общем, Семёна Аркадьевича я убедил, но как заставить действовать единым фронтом такую массу женщин? Только официально состоящих в браке не меньше тридцати миллионов. Пришлось обратиться в Общество феминисток – может, те подскажут.

И вот я в кабинете председателя «Общества свободных женщин».

– Мы хотим привлечь вас к агитации против войны.

– Кто это «мы»?

– Это группа состоятельных людей, радеющих о судьбах граждан нашего государства.

– И против какой войны будет направлена эта акция?

– Да мало ли войн? На Ближнем Востоке, в Африке...

– Мы-то тут при чём?

– А вы представьте, что Россия будет вовлечена в вооружённый конфликт. Сколько матерей потеряет сыновей! Сколько семей останутся без кормильца!

Наконец-то до неё дошло:

– Это благородная задача. Но чем же мы сможем вам помочь?

– Вы объединяете множество женщин, озабоченных судьбой прекрасной половины человечества.

Дама смущена, даже разругалась – видимо, не часто приходится ей слышать комплименты в адрес женщин.

– Вы правы, мы боремся за гендерное равенство, против семейного насилия. Однако наши возможности крайне ограничены.

– А если мы профинансируем эти акции? Политику одного из телеканалов скорректируем в соответствии с вашими пожеланиями.

– Это интересно! Но я должна подумать, посоветоваться. А время не ждёт, того и гляди начнут войну, тогда уже поздно будет агитировать. Если от чьей-то руки гибнет человек, первое желание брата – отомстить, не считаясь с новыми жертвами.

Но скоро выяснилось, что я немного поспешил со своим визитом в «Общество свободных женщин» – бизнесмены и банкиры отказались финансировать феминистское движение:

– Мы и так платим деньги бабам ни за что. А если они почувствуют свою силу, тогда сядут нам на шею, не спихнёшь. На одной только зарплате потеряем десятки миллионов евро.

– Вы посмотрите, что творится в Западной Европе! Что ни начальница, то баба, а в результате в политике принимаются абсурдные решения, да и экономика вот-вот развалится.

– Всё потому, что бабы мстят нам за тысячелетия унижений. Вот и делают всё назло, а потом говорят: вас большинство среди управленцев, поэтому вы и виноваты.

– Истинно так! После Октябрьского переворота в них словно бы вселился бес.

Самое время вспомнить о злых духах, однако я мнения большинства акционеров не разделял:

– Надо использовать те возможности, которые есть под рукой. Других вариантов у нас нет!.. Ну разве что подключить блогерш, у каждой из них подписчиков под десять миллионов...

Высказал эту идею не всерьёз, но только для того, чтобы подчеркнуть сложность стоящей перед нами задачи. Но, как ни странно, идея всем понравилась, даже Семён Аркадьевич её поддержал. А вот я в эффективности своей задумки сомневался:

– Семён Аркадьевич! Но они зарабатывают немалые деньги на рекламе, ведут ток-шоу на телеканалах, так зачем им рисковать? Могут остаться без прежнего дохода.

– Если мы предложим им гораздо больше, не откажутся. Решение было принято акционерами единогласно, а мне поручили навести мосты.

Глава 9. Из жизни тараканов

«Мсье, дам! Бега открыты! Не виданная нигде в мире русская придворная игра! Тараканьи бега! Курс де кафар! Ламюземан префере де ла дефянт эмператрис рюсс! Корсо дель пьятелла! Рейс оф кок-рочс!» Эти слова Михаил Булгаков вложил в уста одного из персонажей пьесы «Бег». События происходили в Константинополе много лет назад, однако нетрудно представить себе нечто подобное и в нынешние времена – на какой-нибудь презентации или на торжестве по случаю юбилея соратника по киноцеху. Там тоже делают ставки – одни ставят на то, что N сегодня явится в наряде от Valentino, ну а другие заранее отдают пальму первенства NN в «прикиде» от Chanel. Ведь любопытно, кто кого сегодня переплюнет! Вот эта гламурная среда и плодит блогерш, которые угождая вкусам публики зарабатывают на рекламе миллионы евро. Рекламируют всё – от автомобилей до туфель и дорогих украшений. А почему бы нет, если очень хочется?

Понятно, что деньги в нашем мире решают всё, ну или хотя бы помогают решить многие проблемы. Но как заставить блогерш репрофилировать свой бизнес? Тут одних денег недостаточно – нужен личный интерес. На этом и решил сыграть, когда удалось договориться с Раечкой о встрече – выбрал её потому, что Форбс поставил Раечку на первое место

в списке самых популярных и удачливых представительниц этого весьма специфического бизнеса.

Поначалу она подняла меня на смех:

– Вы в своём уме? Где я, а где политика! Мне без разницы, что там у них творится. У меня есть свой бизнес, им и занимаюсь, а всё остальное по фигу.

– Но если начнётся заварушка, и вам мало не покажется?

У неё сразу испуг в глазах:

– Что вы имеете в виду?

– Могут отключить интернет, запретить сборища, на которых вы учите своих клиентов уму-разуму.

Раечка обиделась:

– Это не сборища, а культурные мероприятия. Люди нуждаются в советах, и я им помогаю обрести уверенность в своих силах, найти выход из сложной ситуации. Например, муж загулял, собирается уйти к другой или у любимой собачки животик заболел. Да мало ли подобных случаев бывает в нашей жизни! Если бы не я... – и тут вдруг до неё дошло: – А с какой стати интернет отключат?

– Если вдруг война начнётся, всякое может быть. Могут и дополнительным налогом обложить на нужды армии.

Она смеётся:

– Да бросьте! С кем нам воевать? Как это у них называется... Ядерный щит! Пока он есть, никто на нас не нападёт.

– А если мы?

– Зачем? Нам этого не надо.

– Вы правы, ни мне, ни вам не надо, а вот у кое-кого из власть имущих могут быть другие соображения на этот счёт.

– Например?

– Поддержка освободительных движений, как в шестидесятые годы, или захват нефтегазовых месторождений, так американцы обычно поступают.

Раечка мотает головой:

– Я невысокого мнения о наших депутатах и министрах, но, чтобы развязать войну сейчас, это же как надо презирать народ! Только наладилась жизнь благодаря нефтегазовым доходам, а они опять?!

Я слушаю и удивляюсь. Оказывается, Раечка не так проста – когда под угрозой содержимое её кошелька, сразу вспомнила о политике. Вон как возмущается! Тут самое время «брать быка за рога», даже если это не бык, а всего лишь козочка:

– Поэтому я и предлагаю вам подключиться к нашей акции.

– Неужели и впрямь что-то намечается?

– Мы должны сыграть на опережение, чтобы и мысли о войне у них не возникало!

Раечка закурила сигарету. Молчит. А я словно бы слышу, как крутятся шестерёнки в её голове. Но вот вроде бы решилась:

– Ладно! Я в принципе готова предоставить все свои ресурсы для реализации ваших целей. Скажем, на месяц. Это вас устроит?

– Лучше на два.

– Но есть одна щекотливая проблема, которую нужно обсудить прежде, чем я дам своё согласие...

– Если вы о недополученной прибыли, так мы компенсируем убытки, даже в двойном размере.

Раечка только всплеснула руками, разинув рот и не произнося ни слова, а потом словно бы снова вошла в роль наставницы:

– Так бы сразу и сказали! А то развели тут канитель про какие-то там рынки сбыта. Вам бы надо мои курсы посещать, я там учу клиентов выражать свои мысли так, чтобы никаких недоразумений потом не возникало.

Я принял это к сведению, однако есть сомнения в том, что другие блогерши столь же рассудительны. Так оно и оказалось.

Вот что ответила на мои предложения блогерша по прозвищу Люлёк:

– Мои амбиции только в том, чтобы снять шоры с сознания людей.

– Так и я о том же! Многие не понимают, чем лично им грозит война.

– И правильно делают. Нечего загружать мозги всякой ерундой! Кстати, давай-ка и тебе разгрузу голову от ненужных мыслей!

А я уже не состою в состоянии сдерживать себя, уж так она достала! Поэтому намеренно провоцирую:

– Именно для этого вы организовали скандальную вечеринку, на которую гости явились полуголыми?

А она словно бы не слышит моих слов:

– Я бью по клавишам, играю эмоциями человека, чтобы привязать к своему блогу. Это мой путь, а всё остальное мне совсем не интересно. Войны, эпидемии пройдут, а я останусь.

– Откуда такая уверенность?

– А ты проверь! Это если меня переживёшь.

Дурацкий разговор! И с другими тоже самое.

Что ж, придётся рассчитывать только на Раису – и в интернете, и на телеканале, который финансирует «Роснафта». Однако получилось так, что даже на других «дамских» ток-шоу стали корректировать тематику. Сначала, видимо, приглядывались, но, когда рейтинг Раечкиного шоу вырос до небес, тоже подключились к этой акции.

Надо признать, что Раиса действовала умно – сначала заводила разговор о пустяках, о каких-то женских заморочках, а потом переходила к главной теме. Именно поэтому в сознании её поклонников личные, семейные проблемы намертво связались с необходимостью борьбы за мир. Ну можно ли надеяться на благополучие в семье, если мужа вот-вот могут в армию призвать для защиты своего Отечества? И каждый раз Раиса задавала участникам ток-шоу вопрос:

– Что конкретно они будут защищать, если на нас никто не нападает?

– Видимо, интересы государства.

– Какие именно?

Никто этого не знал, да и сама Раиса не догадывалась, поэтому подсказать им не могла. Оно и к лучшему, пусть сами телезрительницы пораскинут мозгами и решат, нужна ли им война, смысла которой они не понимают. Ну а если б поняли, что тогда?

И тут я снова вспомнил о том, как чуть не превратился в тень, то есть превратился, но с Божьей помощью мне удалось вернуться в прежний образ. А вдруг и со всеми нечто подобное произошло? Пусть не со всеми, но со многими, прежде всего с теми, кто, не отрывая глаз, смотрят телевизор. Вдруг они превратились в тень самих себя, но этого не замечают? Тогда все мои старания напрасны – на каждое ток-шоу найдётся свой Гастон, который и будет дурить людям голову. Тогда и Раиса не поможет – допустим, «снимет шоры с сознания людей», а на другом ток-шоу скажут, что такое могут делать только враги советской власти, а заодно и нынешней. Получается заколдованный круг, из которого нам никогда не выбраться.

Глава 10. Преступление и наказание

Прошло несколько дней. Раиса отрабатывает деньги, но не только – ей и самой перспектива радикальных изменений в нашей жизни не по душе. Однако рейтинг её программы растёт, а это значит, что нужные семена попали в почву – глядишь, что-то и взойдёт. Смотрю её программу, но вдруг картинка пропала и на экране появилась надпись «специальный выпуск новостей», а дальше прямым текстом про меня:

– По сообщению компетентных органов сегодня утром был арестован начальник отдела одного из подмосковных НИИ, – дальше приводят моё имя и фамилию. – Ему предъявлено обвинение в подготовке государственного переворота.

Вот те на! Сразу не сообразил, поэтому перепугался, а потом думаю: повезло, что тогда споткнулся, теперь всё шишки повалятся не на меня, а на Гастона. А вслед за этим другая мысль: как же мне теперь жить после раздвоения личности, той, что произошла с подачи Зевса? Внешность можно изменить, к примеру, отрастив бороду, теперь это модно, но с моим паспортом ни на поезд, ни на самолёт не пустят. Да любой полицейский может уличить в подделке документов, а то и хуже – в том, что я сбежал из тюрьмы! Хорошо хоть

банковский счёт успел закрыть, а то без денег будет совсем плохо. Ладно, какое-то время в квартире посижу, если только Настя меня не выгонит, а там видно будет.

Позже ещё одна новость – Раисе предъявлено обвинение в неуплате налогов. Вот тут я ничего уже не понимаю, то есть не могу понять, кто нас обоих сдал. Если бы Раиса под угрозой оказаться в тюрьме за неуплату налогов указала на меня как на инициатора агитации за мир, это было бы нормально. Но здесь же всё наоборот – сначала Гастона взяли, а уж потом её!

Долго думал и пришёл к такому выводу: сдал меня кто-то из тех бизнесменов и банкиров, которые участвовали в том голосовании, не исключено, что Семён Аркадьевич, а уж потом вышли на Раису. Да все эти нувориши готовы предать кого угодно ради личной выгоды!

Теперь ничего другого мне не остаётся кроме как во всём признаться Насте. Надеюсь, что поймёт, а если выгонит, пойду куда глаза глядят, а то и сдамся на милость победителей. Хотя какая уж тут милость, если упрячут в сумасшедший дом? Даже Настя не поверит, что я клон. Но всё это потом – сначала я хочу найти предателя. Но как? Вот если бы на время превратиться в тень Гастона... Господи, помоги! И вот слышу знакомый голос:

– Как же ты мне надоел! Можно подумать, что делать больше нечего.

– Но я же прошу не для себя.

– Всё я понимаю, но и ты пойми. Не твоего ума это дело, там ведь у них такая силища, что даже я иногда побаиваюсь.

Да не может такого быть! А он всё страхи нагнетает:

– Если водородную бомбу взорвут, потом другую, на Земле всё вымрет, а это значит, что прахом пойдут все мои труды. Вот потому и приходится терпеть все их «художества», а то бы давно в Преисподнюю отправил.

Плохи наши дела, если даже Господь против них бессилён.

– Так поможешь?

– Ладно! На один день снова станешь тенью, а потом обратно. И смотри там не начуди, а то мне расхлёбывать.

– Я постараюсь, Господи!

В следующее мгновение на меня навалилась такая сила, будто земное притяжение возросло во много раз, а когда пришёл в себя, вижу – я оказался на полу камеры, а Гастон сидит на табурете и мотает головой:

– Товарищ генерал, я тут ни при чём! С утра еду на работу, вечером домой, а в промежутке занимаюсь воспитанием своих сотрудников. Всё точно так, как мы договаривались, то есть дисциплина, послушание и никаких сомнений. Уже все сотрудники НИИ по коридорам ходят строем и честь мне отдают.

– Без фуражки не положено. Это в американской армии бардак!

А Гастон продолжает отбиваться, чем попало:

– Даю гарантию, что через пару месяцев дело будет сделано, и можно перебрасывать меня на новый фронт работ, – а потом добавил, улыбнувшись: – Хорошо бы к морю, а то уже пять лет без отпуска.

А тот, что генерал, в ответ рычит:

– Я тебе устрою отпуск! Пожалеешь, что мама родила на свет... – тут он запнулся: – Тьфу, чёрт, что я говорю! Ты же у нас из пробырки, экспериментальный образец, а рассуждаешь как... Но не в этом дело. Докладывай, когда тебя завербовали!

– Да не было этого!

– Отпираться бесполезно, есть видеозапись сходки заговорщиков. Вот смотри!

А на дисплее ноутбука, что лежит на столе, Семён Аркадьевич, владельцы корпораций, ну и конечно я. Выходит, все они под колпаком... С одной стороны – облегчение, поскольку ещё сохраняется вера в людей, раз уж нет среди них предателя. А с другой – как можно жить, если всюду за тобой присматривают? Это Семёну Аркадьевичу всё равно, мол, пусть подглядывают хоть в сортире, но у меня совсем другое мнение.

Между тем, Гастон попытался оправдаться:

– Не может этого быть! Товарищ генерал, вы проверьте, наверняка я в это время был дома или на работе.

– Установка видеоконтроля в твоей квартире не предусмотрена, и так всё ясно.

– А вдруг он – это не я? Если экспериментальный образец, тогда всякое возможно. Например, глюк или другая неполадка.

– Я тебе покажу глюк! Эта технология разработана ещё в советское время, а тогда никаких глюков не бывало, всё на высшем уровне.

Любое сознательное существо, будь то человек или то, что называют искусственным интеллектом, оказавшись в подобной ситуации, полезет из кожи вон, чтобы избежать наказания, вот и Гастон напряг свои, то есть мои извилины:

– А что, если подмена произошла не полностью? То есть частичка сознания этого инженера осталась там, на тротуаре.

– Это как?

– Дело в том, что он споткнулся как раз в момент передачи данных, и мог возникнуть тот самый глюк.

Генерал почесал подбородок, покрутил головой, а потом разразился площадной бранью, хоть уши затыкай! Досталось и разработчикам этой технологии, и московскому мэру, который не следит за состоянием тротуаров, а в довершении всего и мне. Генерал встал прямо на меня и стал топтать сапожищами, приговаривая:

– Вот тебе! Вот тебе! Будешь знать, каково это встравать в мои дела!

Конечно, тень выдержит, даже если по ней проедет танк, но каково моему Эго! Я на время потерял сознание, а очнулся в камере – Гастон сидит на нарах, чуть не плачет, да и я

не в самом лучшем состоянии. Только бы дотерпеть до завтрашнего дня!

Но не тут-то было. В скором времени Гастона снова вызвали на допрос. Усадили в кресло, опутали проводами и стали каверзные вопросы задавать, а если ответ их не устраивал, срабатывало что-то вроде электрошокера. Гастон трясся и визжал, да и для меня тоже ничего приятного.

Потом Гастона взяли под руки и повели, но не в допросную, а в другую комнату, где за столом сидел генерал и двое штатских. В прежние времена это называлось «Особая тройка НКВД», вот и сейчас примерно то же самое. Гастону не позволили даже слово вымолвить, тут же зачитали приговор:

– Считать нецелесообразным продолжение сверхсекретной программы по названию «Супертечь» в связи с возможностью возникновения неустранимых глюков. Всю документацию сдать в архив, а экспериментальный образец подвергнуть уничтожению в газовой печи Хованского крематория.

Не успел я оценить последствия предстоящей процедуры лично для меня, как снова услышал звук сработавшего электрошокера, а вслед за этим Гастона засунули в чёрный пластиковый мешок – видимо, позже положат в гроб. Понятно, что в мешке мне места не нашлось, так что придётся несколько часов болтаться где-то между небом и землёй, скорее всего, в газообразном состоянии. Но больше всего занимал вопрос: что будет со мной потом? Тут два возможных варианта: либо устроят автомобильную катастрофу, подменив ме-

ня, то есть Гастона, каким-нибудь покойником, то ли упекут в тюрьму за разглашение гостайны.

Но был ещё и третий вариант, о котором я узнал чуть позже. Содержание достигнутого соглашения не стану обнародовать, а то ведь заинтересованные лица могут обозлиться и всё заново переиграть.

Глава 11. Осень

патриарха, или тень мечты

Итак, всё вроде бы изменилось к лучшему. Экспортёрам снизили пошлины на вывоз сырья, теперь все сыты и довольны, на тротуарах асфальт заменили на плитку, чтобы прохожие на выбоинах не спотыкались. А Настя женила меня на себе и тем спасла от наказания – не станут же сажать в тюрьму зятя начальника охраны столь важного объекта. Да я совсем не против тем более, что через год у нас родился сын. В общем, всё просто, всё логично, и уже нет опасений за свою жизнь.

Прошло ещё три года, и вот как-то утром вышел по улице и вижу странную, нереальную картину – солнце светит, а у прохожих нет теней, при этом все посматривают на меня, как на прокажённого. Ну а как иначе, если с моей тенью всё в порядке? И тут сама собой возникла мысль: неужто новая программа, что-то вроде «Супертени-2», дала нужный результат, и теперь место людей заняли их собственные тени? Понятно, что тень не может иметь тени, ей это ни к чему, отсюда такая странная картина. И что мне делать в этой ситуации? Стать, как все, я не могу – видимо, у меня иммунитет против такого рода превращений, коль скоро один раз переболел, да и то не совсем так, как предполагалось. Тогда,

чтобы доехать до работы, придётся вызывать такси, ну а гулять лишь по лесу, где нет людей. Такая перспектива меня вполне устроит, однако нельзя же доводить всё до абсурда! Весь день только о том и думал, а ночью мне приснился сон.

Иду по лесу, и вдруг навстречу он, как будто сошёл с экрана телевизора. Слава Богу, с тенью у него всё в порядке, поэтому решил подойти:

– Здрасьте!

– Добрый день! Впрочем, совсем уж добрым его не назовёшь.

– С чего бы так?

– Забот полон рот, не справляюсь. Вот и брожу по лесу, а вдруг озарение снизойдёт и тогда смогу решить хоть какую-то проблему.

– Но у вас помощников полным-полно. Они-то что, не помогают?

– Послушных исполнителей много, а чтобы самим сообщать, для этого надо иметь особый склад ума.

– Ну да, нужно критически относиться ко всему, что происходит, сомневаться в принятых решениях...

– Эх ты загнул! Тогда работа превратится в бесконечную дискуссию.

– Тут всё зависит от уровня интеллекта спорящих. В нашей стране немало умных людей, которые способны решать самые сложные задачи. Всё потому, что мыслят независимо, далеко не всегда соглашаются с мнением начальства.

Он вроде бы согласен с тем, что есть такие люди, но что-то его не устраивает:

– Видишь ли, проблема в том, что они умнее нас, их коллективный интеллект мощнее нашего. Ну и как управлять при таком раскладе сил? Естественно, что мы вынуждены прибегать к уловкам, ограничивая их в правах, вводя цензуру в СМИ, чтобы лишить возможности подвергать сомнению эффективность принятых нами решений. Но допустить их к власти мы не можем.

– Почему?

– Да потому, что не должны управлять государством люди, которые вечно в чём-то сомневаются. Я уж не говорю о правдолюбках, они уж точно приведут нас к катастрофе.

Я опять не понимаю:

– Эти чем перед вами провинились?

– Лезут всюду, мешая поступательному движению вперёд. Этого вполне достаточно для возникновения всеобщей смуты.

Тут я заметил, что у моего собеседника пропала тень. Неужто до него тоже добрались? Тогда всем нам конец. Вот это уж точно катастрофа!

Проснулся весь в холодном поту. Рядом Настя спит, во сне чему-то улыбается. Встал, пошёл в ванную, чтобы покурить, включил свет и вдруг вижу – моя тень пропала, её нет. Но как же так?..

Когда немного успокоился и смог здраво рассуждать, вот

какая мысль пришла мне в голову. Мы все – тени тех, какими хотели стать когда-то. Я и сам – только тень своей мечты. Но вот мечта куда-то улетучилась, а тень её осталась. Зачем? Этого никто не знает.